

УДК. 94(47).046
DOI 10.17223/19988613/41/2

А.И. Побежимов

НАСЕЛЕНИЕ ПОМОРСКОЙ ЧАСТИ ТУРЧАСОВСКОГО СТАНА КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XVIII в.

Территория поморской части Турчасовского стана Каргопольского уезда (Онежское Поморье) к началу XVIII в. располагалась по берегам Онежской губы, на юго-западе – Поморском, от р. Куша до Онеги и на северо-востоке – Онежском берегах, от мыса Ухт-Наволок на севере до Онеги. Исследуются занятия, социальная структура, численность, населённость дворов, брачные связи, определяется уровень миграций населения, их причины и направления. Автор приходит к выводу, что к этому времени социально-экономическое положение населения ухудшилось, что привело к увеличению маломужских слоёв, росту миграций и значительному сокращению населения Онежского Поморья.

Ключевые слова: уезд; стан; волость; вотчина; бобыли; подсоседники; подворники; миграции.

Вопросы истории населения поморской части Турчасовского стана Каргопольского уезда неоднократно затрагивались в отечественной историографии (А.А. Савич, Ю.С. Васильев, Т.А. Бернштам, В.И. Иванов) [1. С. 1–280; 2. С. 39–46; 3. С. 476; 4. С. 1–608]. В этой связи стоит выделить труд Т.А. Бернштам «Поморы», посвящённый изучению этногенеза поморов. В работе автор прослеживает процесс формирования населения берегов Поморья на протяжении всей его истории. Тем не менее в столь масштабном по своему территориальному и хронологическому охвату исследовании различные области Поморья освещены не в одинаковой степени. Территориально таковой является поморская часть Турчасовского стана Каргопольского уезда (Онежское Поморье), в хронологическом – начало XVIII в. В статье изучаются вопросы, связанные с историей населения Онежского Поморья: занятия, социальная структура, численность, населённость дворов, причины и направления миграций, брачные связи, прошлое население. Исследование построено на работе с неопубликованной переписной книгой Каргопольского уезда 1712 г., хранящейся в Российском государственном архиве древних актов [5. Л. 1–882].

К началу XVIII в. вся поморская территория Турчасовского стана Каргопольского уезда входила в состав вотчин монастырей: Соловецкого, Кожеозерского, Кирило-Белозерского и Крестного [Там же. Л. 467–716].

Традиционными для поморского населения были солеварение и рыбный промысел. Соляной промысел в значительной степени принадлежал монастырям (Соловецкому, Кожеозерскому и Кирило-Белозерскому), тем не менее встречаются случаи владения варницами крестьянами. В Кушерецкой волости вотчины Соловецкого монастыря отмечены «крестьянских жилых четыре варницы», в Пурнемской волости вотчины Соловецкого монастыря – «одна крестьянская», в Нижнеозерской волости вотчины Соловецкого монастыря – «три варницы соляные крестьянские» [Там же. Л. 488–495, 521–532]. В Золотицкой волости вотчины Кирилова монастыря «сальный

промысел» отдавался крестьянам монастыря «в оброк погодно» [Там же. Л. 467–471].

Рыбный промысел вёлся на реках и море. Рыбу ловили с помощью забора, или «запора». Забор – устройство для ловли сёмги, которым перегораживалась вся река, в виде ломаной линии [6. С. 46]. В переписной книге Каргопольского уезда 1712 г. говорится о запорах в Кушерецкой волости «на реке», в Лямецкой волости вотчины Соловецкого монастыря запоры на кумжу стояли «на Лямце реке, на Палове речке, запор в Котов речке, в Выго речке». За право ловить рыбу крестьяне Лямецкой волости, вероятно, платили натуральный оброк, «ловили на монастырь». В Пурнемской волости отмечено два запора на кумжу, принадлежавшие Соловецкому монастырю, «один на реке Пурнеме, другой на реке на Вейге», «на монастырь оброку не положено». В Золотицкой и Пушлахтской волостях запоры «для сёмужного лова» были «на Золотицкой речке», кумжовый промысел вёлся на «реке Шидрове». Сёмужьи тони (места рыбного промысла) отдавались Кириловым монастырём крестьянам «в оброк погодно» [5. Л. 467–471, 476–482, 483–487, 488–497, 521–532].

Морской рыбный промысел у местного населения имел два направления: в водах Онежской губы и «мурманский рыбный промысел», центром которых был Кольский острог. Судя по всему, «мурманский рыбный промысел» у жителей поморской части не пользовался такой же популярностью, как у населения континентальной части Турчасовского стана [7. С. 444–455]. В переписной книге Каргопольского уезда 1712 г. упоминается всего семь случаев «отлучки в Кольский острог за рыбным промыслом». Чаще можно встретить сведения такого характера: «потонул на море» [5. Л. 467–471, 476–482, 483–487, 488–497, 521–532]. В Онежской губе, у Золотицкого берега существовали и свои «рыбные промыслы на Жигжине острове», принадлежавшие Кирилову монастырю, и многочисленные тони «на море ж окияне», что также отдавались «в оброки погодно» населению Золотицы и Пушлахты [Там же. Л. 476–482].

В переписной книге Каргопольского уезда 1712 г. отсутствуют сведения о занятиях населением земледелием

и скотоводством. «Конюшенные» и «скотские» дворы упоминаются вместе с монастырскими дворами, только в двух случаях говорится о «пашенных крестьянах» в Лямецкой волости [5. Л. 476–482]. Обратимся к более ранним источникам. Документы середины XVI в. свидетельствуют о том, что население Онежского берега занималось и земледелием, и скотоводством. Даже в самой северной из волостей Турчасовского стана – Золотицкой на Никольском погосте – было 2 двора «пашенных» [8. С. 476]. Судя по количеству названий сенокосных мест в документах середины XVI в., важное место здесь также занимало скотоводство. Перечисляются сенокосные угодья: «на морском берегу», «на реке на Золотице», «на Угольном ручью», в Сатаницах на сечищах» [Там же. С. 476–477]. Всего 18 дворов косили 157 копен сена, в среднем приходилось около 9 копен на двор. Были дворы, которые заготавливали по 50 копен сена [8. С. 476–477; 9. С. 301–307]. В Таймице из 37 дворов только 4 были «непашенных» [8. С. 475], в Лямецкой волости – из 20 дворов было 2 «непашенных» [Там же. С. 449], в Пурнемской волости «непашенных дворов» не было [Там же. С. 447–448]. И всё же говорить о развитости земледелия на Онежском берегу было бы неверно. Ни одна из поморских волостей Турчасовского стана не платила государству «посопный хлеб» (натуральный или денежный сбор) [10. С. 278–288]. Обложению «посопным хлебом» подлежали только те волости, в которых предполагался излишек зерна и от его количества зависел размер налога [11. С. 28–29].

При численности в 668 человек обоего пола социальная структура населения в волостях поморской части Турчасовского стана была довольно сложной. Население состояло из монастырских крестьян (бывших черносошных), духовенства, монастырских служащих (старцы, монахи, работники), бобылей, подсоседников, подворников. Духовенства (поп, дьякон, пономарь с их семьями) насчитывался 101 человек, монастырских служащих – 31, бобылей – 16, подсоседников – 29, подворников – 17 [5. Л. 467–718]. К этому стоит добавить, что только в одном случае, в Нижмозерской волости, упоминается казак (название наёмного работника, широко распространённое в середине XVI – середине XVII в.): «у них же полетно наёмный казак Кожеозерского монастыря вотчины Кяндской волости Мирон Софронов двадцати лет» [Там же. Л. 488–495].

Самой многочисленной группой после крестьян было духовенство и монастырские служащие. В совокупности они составляли около 20%, бобыли – 2%, подсоседники и подворники – 6%. Численно духовенство распределялось по волостям относительно равномерно. Монастырские служащие присутствовали в вотчинах Соловецкого, Кожеозерского и Кирилова монастырей, в вотчинах Крестного монастыря они были только в Таймицкой волости [Там же. Л. 467–718].

Бобыли и подсоседники были наиболее значительными группами после крестьян в вотчинах Кожеозерского монастыря Малошуйской и Кяндской волостей.

От общего числа дворов и изб в Малошуйской волости дворы бобылей составляли 20%. Бобыли иногда назывались «промышленниками» [Там же. Л. 467–471], тем самым подчёркивалось, что они в основном занимались промыслами. Историк П. Иванов характеризовал бобылей как просто рабочих, имеющих случайные заработки, нанимавшиеся работать на церковь, монастырь или к крестьянам. Летом они работали на промыслах, пастухами, зимой – жили кто как мог [11. С. 69]. Их дворы были менее населёнными, чем крестьянские. В среднем на крестьянский двор в Малошуйской волости приходилось 7–8 человек обоего пола, на бобыльский – 2–3. В бобыльских дворах жил либо один бобыль, либо бобыль с женой и детьми. В переписной книге Каргопольского уезда 1712 г. приводится случай и более сложной бобыльской семьи: «...двор бобыля Елизара Григорьева семидесяти двух лет, у него жена Анна шестидесяти девяти лет, дети сын Елисей тридцати девяти лет, у него жена Евдокия тридцати двух лет, сноха Екатерина сына его Семёна жена двадцати трёх, у неё сын Кирилл трёх лет» [5. Л. 521–532]. Он был единственным жилым среди бобыльских дворов Малошуйской волости. Безусловно, крестьянская семья была не только крупнее, но и, главное, состоятельнее. Доказательством этого служит жизнестойкость крестьянских дворов. К началу XVIII в. крестьянские дворы в Малошуйской волости пустели, но не все, бобыльские дворы были «в пусте» все, за исключением одного двора. Бобыли редко встречались в вотчинах Соловецкого и Крестного монастырей. Вероятно, как класс к началу XVIII в. бобыли постепенно стали исчезать. Для сравнения, в середине XVII в. в Кяндской волости насчитывалось 37 крестьянских и 6 бобыльских дворов, к началу XVIII в. – 40 крестьянских и ни одного двора бобыльского [Там же. Л. 496–521; 12. Приложение].

Подсоседником считался крестьянин, принятый в чужой двор на жительство [13. С. 1–166]. Рекордное количество подсоседников переписи фиксируют в Кяндской волости. Здесь из 46 дворов в 18 жили «в подсоседстве». При этом подсоседники, как правило, имели свои дворы и приходились родственниками хозяину двора. Двор крестьянина Якова и Павла Симоновы дети, а «в переписных 1707 и 1710 годах он Яков с женой и детьми в том дворе не написан, а написан в 1707 и 1710 годах в подсоседстве у брата своего Павла» [5. Л. 496–520].

Подворниками называли работников, живущих на чужом дворе и оплачивающих своё подворье работой на хозяина, в некоторых случаях получающих за свой труд оплату. Среди них были люди, утратившие способность к труду или потерявшие хозяйственную самостоятельность [11. С. 68]. По количеству подворий отличались волости Золотицкая и Пушлахтская. Здесь каждый второй двор имел подворье, населённое одной или несколькими семьями. В этих волостях численность двора доходила до 20–26 человек [9. С. 301–307]. Из других волостей поморской части Турчасовского стана единственное

подворье упоминается только в Варзогорской волости вотчины Крестного монастыря: «на подворье вдова нищая Улита Евсиева жена семидесяти лет» [5. Л. 711–717].

Вероятно, количество бобылей, подсоседников и подворников являлось показателем имущественного положения населения и состояния хозяйства волости. В случае с Кяндской и Малошуйской волостями в документах приводятся данные, свидетельствующие о полном запустении монастырского хозяйства, закрытии соляных и рыбных промыслов, что не могло не отразиться на жизни местного крестьянства [Там же. Л. 496–532]. В Золотицкой и Пушлахтской волостях сложилась иная ситуация. Созданная монастырём экономическая ситуация (максимальная концентрация всех хозяйственных угодий у Кирилова монастыря) постепенно привела к значительному обнищанию населения и возникновению такой категории населения, как подворники, по словам П. Иванова, мало чем отличающиеся от «нищих» [Там же. Л. 467–476; 11. С. 69]. Вероятно, состояние «подсоседства» и «подворничества» для многих семей являлось переходным для последующей миграции в другие уезды.

Основным направлением миграций населения был Холмогорский уезд (212 человек), далее Архангельск (22 человека), Двинской (12 человек), Олонецкий (13 человек) и Важский уезды (12 человек), а также Сибирь (12 человек). Число мигрантов составило 283 человека, более чем 40% от живущего населения поморских волостей (668 человек). Лидировали Кяндская, Малошуйская и Золотицкая волости. Из Кяндской волости ушли 48 человек в Холмогорский уезд, более половины населения всей волости (85 человек), из Малошуйской – 45 человек (138 человек). Из Золотицкой волости мигрировали 37 человек (45 человек), самый высокий показатель миграции населения наблюдался в волостях Онежского Поморья. Если прибавить к этому 228 человек, сошедших «от хлебной скудности скитаться в мир безвестно» или «неведомо куда», получится цифра, близкая к количеству живущего в то время в волостях поморской части Турчасовского стана населения. Можно сказать, что только благодаря миграциям земли Онежского Поморья к началу XVIII в. опустели наполовину [5. Л. 467–717]. Правда, встречаются и единичные случаи возврата ушедших «в мир скитаться». В Таймицкой волости двор крестьянина Гаврилы Фомина с женой, детьми и братом двоюродным Яковом Кондратьевым с семьёй, а в переписных 1707 г. двоюродный брат с женой и детьми «не написаны для того, что ходили в мир для прокормления» [Там же. Л. 710–718].

В переписной книге Каргопольского уезда 1712 г. довольно расплывчато объясняются причины ухода: «сошли от хлебной скудности в Холмогорский уезд», «был в отлучке для своего прокормления в Холмогорском уезде» [Там же. Л. 496–520]. В большинстве случаев не конкретизируется, куда уходили переселенцы: «сошли в Холмогорский уезд, а где ныне живут того не известно» [Там же. Л. 471–482].

По отрывочным сообщениям всё же удалось определить географию тех мест, где оседали мигранты: «Сава сшёл от хлебной скудности и живёт в Холмогорском уезде в Ненокской волости», «Аникей Иванов сшёл в 1711 году и живёт в Холмогорском уезде в Варзугской волости», «Майя с сыном Василием от хлебной скудности сошли в Холмогорский уезд в том же году и Василий потонул на Двине реке», «Потап вдов с сыном Дмитрием и снохой Улитой сошли от хлебной скудности в Холмогорский уезд в 1709 году на реку Двину», «она вдова с обеими дочерьми от хлебной скудности сошла в Двинской уезд в Лопшеньгскую волость», «он с матерью вдовой Любовью от хлебной скудности сошли в Двинской уезд в нынешнем 1712 году», «а внук его Никита сшёл от хлебной скудности в Архангельский Город», «Василей с женой Ириной и дочерью Акилиной и с племянником Макаром были в 1707 году в бегах, а в 1710 году в Важский уезд от хлебной скудности», «Ульян с женой и сыном Панфилом и шурином Семёном и свояченицей сошли в 1709 году от хлебной скудности в Олонецкий уезд», «он с женой Устиной от хлебной скудности в Каргопольский уезд», «Иван живёт в Соловецком монастыре вотчины Колежемской волости в Олонецком уезде», «Спиридон сошёл в Николокорельской монастырь, а племянник Степан в Заонежские погосты в 1709 году, а сын его Иван Иванов в Сумской острог», «жена его Ирина Иванова дочь с детьми Иваном, Петром и братом его Васильевым двоюродным Семёном Савиным и сыном его Аникием сошли от хлебной скудности в 1707 году после переписи в Сибирские Города», «они Авраам с женой Пелагеей в 1710 году от хлебной скудности сошли в Олонецкий уезд, а сын его Фёдор с женой и двумя детьми за скудностью съехал в Сибирские Города», «они с сыном Антоном холост в 1708 году съехали от хлебной скудности в Важский уезд», «а родом он из Холмогорского уезда Унежемской волости и съехал он с женой и детьми в Унежему» [Там же. Л. 467–718]. Тот факт, что мигранты уходили с семьями,шний раз подчёркивает их бедственное положение на родине.

Наступили «петровские времена», и такое новое явление, как «рекрутчина», тяжёлым бременем легла на плечи крестьян. Поморские волости не сильно пострадали из-за «рекрутского набора», «по набору капитана Тимофея Татаринова» были взяты в солдаты всего 10 человек [Там же]. Здесь вскрываются отдельные факты, указывающие на то, как местное население использовало переселенцев в своих целях. Семён Харитонов из Лямецкой волости «с женой и детьми с Павлом и с Андреем живёт с сыном своим Кирилова монастыря вотчины в Пушлахтской волости в Каргопольском уезде с 1710 году, а Павла в 1710 году они отдали Кирилова монастыря за себя за Пушлахтскую волость в рекрутные солдаты». Лукерья с детьми с Семёном и Ларионом после смерти мужа «сошли в том же году в Холмогорский уезд Двинской волости и в 1711 году отдали той волости крестьяне за себя в солдаты, а мать его Ларионова с братом Семёном живут в той волости»

[5. Л. 472–482]. Так решалась проблема призыва в армию в тех волостях, где селились мигранты.

Есть сведения о брачных связях, в результате которых часть женского населения уходила в другие волости и уезды. «Девка Анна» из Кяндской волости «замуж выдана в Нижмозерскую волость за Василия Резина в 1710 году», «Улита» из Малошуйской волости «выдана замуж за вышписанного Софрона» (Софрон из той же волости), «Осипова дочь Парасковья» из Малошуйской волости «выдана замуж в вотчину Соловецкого монастыря в Кушерецкую волость», «Митрофанова дочь Зинаида» из Малошуйской волости «не писана для того что выдана замуж в Олонецкий уезд в Нюхоцкую волость до переписи 1710 года», «Герасимова дочь Ксения» из Кушерецкой волости «выдана замуж в Малошуйскую волость за Романа Кондратьева Кожеозерского монастыря», «подсоседница же вдова Татьяна» из Лямецкой волости «вышла замуж в Каргопольский уезд», во дворе попа Нименгской волости живёт «зять крестьянин Подпорожской волости Василий Иванов», «девка Евфимия» из Варзогорской волости «выдана замуж в Крестного монастыря вотчину в село Концостров за крестьянина Луку Андреева», «девка Парасковья» из Таймицкой волости «выдана в Холмогорский уезд в Солоозерскую волость замуж» [Там же. Л. 467–718].

Пришлое население в поморских волостях встречается преимущественно в монастырских, «скотских» и «конюшенных» дворах, и, похоже, оно не отличалось сильным постоянством. В Кяндской волости на дворе Кожеозерского монастыря жил «приказной монах Гурей семидесяти лет да скотник Фёдор Попов из Турчасовского стана Прилуцкой волости шестидесяти лет» [Там же. Л. 496–521]. В Малошуйской волости «он старец Зосима приехал из монастыря, а Яков пришёл из Олонецкого уезда из Унижемского усолья вотчины Соловецкого монастыря в 1711 году, а поп из волости Заостровской в 1710 году». В «скотском» дворе «скотник Фома крестьянин Крестного монастыря Каргопольского уезда Фехтолимской волости, в нынешнем 1712 году пришёл для работы, в том же дворе скотница Татьяна Фёдорова дочь Ермолы Корнилова жена шестидесяти лет той же волости пришла в нынешнем

1712 году в мае» [Там же. Л. 521–531]. В Лямецкой волости в «конюшенном» дворе жили «скотник Пётр Михайлов тридцати пяти лет холост родом Важенского уезда Сельской волости деревни Заозерной пахотный государев крестьянин, а пришёл жить в Соловецкий монастырь по обещанию в прошлом 1711 году, Иван Андреев тридцати двух лет родом Кирилова монастыря Пушлахтской волости пахотный крестьянин холост» [Там же. Л. 476–481]. В Золотицкой волости во дворе «Кирилова монастыря для рыбного промысла, а в нём живут служенник Никон бобыль из Солозера» [Там же. Л. 467–471]. В Кушерецкой волости в «скотском» живёт «скотник Софрон Ефстафьева сын шестидесяти лет той же монастырской вотчины Унижемской волости крестьянин», «да в том же дворе были написаны Олонецкого уезда Пётр Парфёнов» [Там же. Л. 521–531].

В крестьянских дворах упоминается выходец из «Олонецкого уезда Соловецкого монастыря вотчины Нюхоцкой волости» Фёдор Иванов, родной племянник крестьянина Ивана Кондратьева из Малошуйской волости [Там же]. Во дворе крестьянина Агафона Семёнова из Нижмозерской волости живёт «церковный Архип Леонтьев тридцати лет, у него жена Ксения Иванова дочь двадцати пяти лет, у них сын Яков году, пришёл жить к церкви в нынешнем 1712 году из Холмогорского уезда из волости Кирилова монастыря Лопшеньгской». Во дворе «прежнего попа Петра Миронова» из Нижмозерской волости «постригся в Соловецкий монастырь в 1710 году», в переписных 1707 г. написан был «желец из Турчасова целовальник винного кабака» [Там же. Л. 589–595].

Начало XVIII в. в поморских волостях Турчасовского стана характеризуется ухудшением социально-экономического положения населения, особенно в вотчинах Кожеозерского монастыря волостях: Кяндской, Малошуйской и вотчинах Кирилова монастыря волостях (Золотицкой, Пушлахтской). Показателем является увеличение малоимущих слоёв населения (подсоседники, подворники, бобыли) в этих волостях. Высока была также мобильность населения, вызванная ростом миграций в Холмогорский, Двинской, Важский, Олонецкий уезды и Сибирь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений). Пермь, 1927.
2. Васильев Ю.С. Каргопольский уезд // Аграрная история северо-запада России XVI века. Л., 1978.
3. Бернштам Т.А. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978.
4. Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках. СПб., 2007.
5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 168. Каргопольский уезд. 1712. Книга переписная посадских людей Турчасовского посада, церковнослужителей, монахов, дворцовых и монастырских крестьян Устьмошского, Мошинского, Турчасовского станов Каргопольского уезда.
6. Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
7. Побежимов А.И. Особенности формирования населения Поонежья в начале XVIII в. // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2012. Вып. 6 : Геоисторические и геотнотульные образы и символы освоения арктического пространства.
8. Сотные на волости Каргопольского уезда с книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова 1561–1562 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2.
9. Побежимов А.И. Золотица и Пушлахта в середине XVI и начале XIII вв. // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2015. Вып. 8 / Геоисторические и геотнотульные образы и символы освоения арктического пространства.
10. Платёжная книга Каргопольского уезда, составленная около 1560 г. по книгам письма Якова Сабурова и Ивана Кутузова 1555–1556 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР : Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2.
11. Иванов П. Северная писцовая книга как материал для истории обложения. М., 1900.

12. Богословский М.М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. : Чтения при Московском университете. М., 1910. Кн. I.
13. Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998.

Pobezhimov Andrew I. JSC "Ionik" (St. Petersburg, Russia). E-mail: andrey-pi@mail.ru

THE POPULATION OF THE POMOR PART OF THE TURCHASOVSKY CAMP OF THE KARGOPOLSKY DISTRICT AT THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY.

Keywords: district; camp; volost; ancestral lands; solitary men; podсоседnik; podvornik; migrations.

The territory of the Pomor part of the Turchasovsky camp of Kargopolsky bridle (the Onega Pomorze) by the beginning of the XVIII century was located on coast of Onega Bay: Pomor and Onega. In article the questions connected with history of the population of the Onega Pomorze are studied: occupations, social structure, number, density of population of the yards, reasons and directions of migrations, marriage communications, alien population. Research is constructed at work with the unpublished census book of the Kargopolsky district of 1712 which is stored in Russian Record Office ancient act. By the beginning of the XVIII century the territory of the Onega Pomorze was ancestral lands of monasteries: Solovki, Kozhezersky, Kirilo-Belozersky and God. Salt production and fishery, traditional for the Pomor population, generally belonged to monasteries, and on condition of monastic economy and the economic policy pursued by them in many respects depended not only welfare, but also formation of structure of the population. The social structure of the population numbering 668 people of both sexes was problem: monastic peasants, monastic employees, clergy, solitary men, podсоседnik (tenant), householder. Monastic employees and clergy (20%) were the most numerous group after peasants; solitary men, podсоседnik and householder (8%). In ancestral lands of the Kozhezersky monastery Maloshuysky and Kyandsky volosts of the solitary man and podсоседnik made 20%. By quantity of farmsteads volosts Zolotitskaya and Pushlakhtskaya differed. Needy segments of the population probably also made the basis for migrations to other districts. The Holmogorsky district (212 people), Arkhangelsk (22 persons), Dwin (12 people), Olonets (13 people) and Vazhsky districts (12 people), Siberia (12 people) were the directions of population shifts. Kollichestvo migrants 283 persons, more than have made 40% of the living population of the Pomor volosts (668 people). If to add to it 228 people "descent to the world it is unknown" the figure close to number of the population living at that time in the Onega Pomorze will turn out. Thanks to migrations of the earth of the Onega Pomorze by the beginning of the XVIII century have become empty half. Geography of places where migrants settled was quite wide: in the Nenoksky volost, the Varzugsky volost, in the Lopshengsky volost of the Dwin district, in Arkhangelsk, in the Vazhsky district, in the Kargopolsky district, in the Kolehzhensky volost of the Olonets district, in Zaonezhsky country churchyards, in the Sumy jail, in the Unezhezhsky volost of the Holmogorsky district, in the Siberian Cities. There are data on marriage communications as a result of which the part of the female population went to other volosts and districts: from the Kyandsky volost to the Nizhmogorsky volost, from the Maloshuysky volost to the Kuseretsky volost, from the Maloshuysky volost to the Olonets district the Nyukhotsky volost, from the Kuseretsky volost to the Maloshuysky volost, from the Lyametsky volost to the Kargopolsky district, from the Podporozhsky volost to the Nimengsky volost, from the Varzogorsky volost to the village of Konetsostrov (Chekuyev), from the Taymitsky volost to the Holmogorsky district to the Solozersky volost. The alien population in the Onega Pomorze was mainly in monastic: the cattle and konyushenny yards, with rare exception in the country yards – natives of Prilutsky, Chekuyevsky, Fekhtolinsky, Zaostrovsky volosts of the Turchasovsky camp, of Turchasov, of Unizhensky, Nyukhotsky volosts of the Olonets district, of the Rural volost of the Vazhsky district, of Lopshengsky, Solozersky volosts of the Holmogorsky district. The beginning of the XVIII century in the Pomor volosts of the Turchasovsky camp is characterized by deterioration of economic and social situation of the population. Indicator is the increase in needy segments of the population (podсоседnik, podvornik, solitary men) and growth of migrations in Holmogorsky, Dwin, Vazhsky, Olonets districts and Siberia.

REFERENCES

1. Savich, A.A. (1927) *Solovetskaya votchina XV–XVII vv. (Opyt izucheniya khozyaystva i sotsial'nykh otnosheniy)* [The Solovky patrimony of the 15th – 17th centuries. (The studies of economy and social relations)]. Perm: Perm State University.
2. Vasiliev, Yu.S. (1978) Kargopol'skiy uезд [Kargopol County]. In: Shapiro, A.L. (ed.) *Agrarnaya istoriya severo-zapada Rossii XVI veka* [The agrarian history of the Russian North-West in the 16th century]. Leningrad: Nauka.
3. Bernstam, T.A. (1978) *Pomor. Formirovaniye gruppy i sistemy khozyaystva* [The Pomors. The formation of the group and economic system]. Leningrad: Nauka.
4. Ivanov, V.I. (2007) *Monastiri i monastyrskie krest'yane Pomor'ya v XVI–XVII vekakh* [Monasteries and monastic peasants of Pomorie in the sixteenth and seventeenth centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ.
5. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 350. List 1. File 168. Kargopol County. 1712. *Kniga perepisnaya posadskikh lyudey Turchasovskogo posada, tserkovnosluzhiteley, monakhov, dvortsovykh i monastyrskikh krest'yan Ust'moshskogo, Moshinskogo, Turchasovskogo stanov Kargopol'skogo uyezda* [The census book of the townspeople of Turchasovsky tenements, of priests, monks, court and monastery peasants of Ustmoshsky, Moshinsky, Turchasovsky stans of Kargopolsky County].
6. Podvysotskiy, A.I. (1885) *Slovar' oblastnogo arkhangelskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [The Dictionary of Arkhangelsk regional dialect in its household and ethnographic application]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
7. Pobezhimov, A.I. (2012) Osobennosti formirovaniya naseleniya Poonezh'ya v nachale XVIII v. [The formation of Poonezhye population in the early 18th century]. In: Zhuravlev, P.S. (ed.) *Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury* [The Pomor Readings on the semiotics of culture]. Arkhangelsk: North-Arctic Federal University.
8. Kolesnikov, P.A. et al. (eds) (1972a) *Materialy po istorii Evropeyskogo Severa SSSR. Severnyy arkheograficheskiy sbornik* [The history of the European North of the USSR. The North Archeographic Collection]. Issue 2. Vologda: [s.n.]. pp. 370–471.
9. Pobezhimov, A.I. (2015) Zolotitsa i Pushlakhta v seredine XVI i nachale XIII vv. [Zolotitsa and Pushlahta in the middle of the 16th and the early 18th centuries]. In: Terebikhin, N.M. (ed.) *Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury* [The Pomor Readings on the semiotics of culture]. Issue 8. Arkhangelsk: North-Arctic Federal University.
10. Kolesnikov, P.A. et al. (eds) (1972b) *Materialy po istorii Evropeyskogo Severa SSSR. Severnyy arkheograficheskiy sbornik* [The history of the European North of the USSR. The North Archeographic Collection]. Issue 2. Vologda: [s.n.]. pp. 253–291.
11. Ivanov, P. (1900) *Severnaya pistovaya kniga kak material dlya istorii oblozheniya* [The North cadastres as a material for the history of taxation]. Moscow: [s.n.].
12. Bogoslovskiy, M.M. (1910) *Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v.: Chteniya pri Moskovskom universitete* [The territorial self-government in the Russian North in the 17th century: Readings at Moscow University]. Moscow: [s.n.].
13. Chernyakova, I.A. (1998) *Kareliya na perelome epokh. Ocherki sotsial'noy i agrarnoy istorii XVII veka* [Karelia at the turn of the era. Essays on the social and agrarian history of the 17th century]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.